

С. А. Максимов

**ТЮРКСКО-УДМУРТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ
МЕТАМОРФОЗЫ, ИЛИ О НЕКОТОРЫХ СЛОВАХ
СО «СТРАННОЙ» ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРОЙ
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Взаимоотношения удмуртского языка с тюркскими на сегодняшний день в целом хорошо изучены. Несмотря на это остается множество нерешенных вопросов. В их числе – происхождение отдельных удмуртских лексем, источником которых могут быть тюркские языки. Цель настоящей работы – исследование слов с дискуссионной этимологией как потенциальных тюркизмов. Рассматривается следующая группа слов: 1) *летень* ~ *плетень* ‘рогоз широколистный’ – считают русским / тюркским / татарским заимствованием; 2) *гогымумы* ‘повивальная бабка’ – происхождение слова не рассматривалось, предполагалась прозрачность этимологии: букв. ‘пупок + мать, мама’; 3) слово *кенос* ‘клеть; амбар’ связывают со словом *кен* ‘сноха, невестка’ или *кенер* ‘изгородь’. Сложность исследуемого вопроса обусловлена рядом причин, среди которых можно назвать следующие: 1) коренные фонетические или/и семантические изменения: удм. *л'эт'эн'*, *пл'эт'эн'*, *д'ыгонод'ыр* ‘рогоз широколистный’ < тат. диал. *йегэн*, *жикэн*, баш. диал. *ййкэн* ‘рогоз, камыш’; удм. *гогымумы* ‘повивальная бабка’ < удм. бес. *гугама* ‘повивальная бабка’ < чув. *кукама(й)* ‘бабушка по матери’; обращение к старухе; 2) отсутствие соответствий в тюркских языках Волго-Камья или выявление таковых требует больших усилий; 3) необходимость учета историко-культурных предпосылок заимствования реалии: удм. *кенос* ~ *кенас* ~ *кенэс* ‘клеть; амбар’ < ? булг. / хаз., ср. караим. *кенаса* (*кенеса*, *кенасса*) ‘дом собрания’ < др.-евр. Во многих случаях причины взаимонакладываются, в результате чего идентификация рассматриваемых слов как тюркизмов или нахождение конкретного языка-источника представляются весьма проблематичными.

Ключевые слова: удмуртский язык, тюркские языки, караимы, языковые контакты, лексические заимствования, рогоз широколистный, повивальная бабка, клеть (амбар), бесермяне, фонетика бесермянского наречия, этимология, народная этимология, тюркизмы, татаризм, чувашизм, болгаризм, гебраизм.

Благодаря трудам нескольких поколений зарубежных и отечественных ученых взаимоотношения удмуртского с тюркскими языками на сегодняшний день относительно хорошо изучены. Не ставя цели осуществить обзор истории исследования удмуртско-тюркских языковых контактов, всё же отметим, что наибольший вклад в этом направлении принадлежит И. В. Тараканову, работы

которого воплотились не только в серии статей, но и в монографии, и книги [см. напр.: Тараканов 1981, 1982, 1993]. Но, как гласит известный афоризм, «нельзя объять необъятное», к тому же на фоне исследования русских заимствований выявление тюркизмов – весьма не простое дело, а потому появляются новые работы, связанные с этой темой, среди которых, в частности, отметим серию статей В. В. Напольских под названием «Нетривиальные тюркизмы в удмуртском» [Напольских 1999, 2000, 2001]. Кроме того, С. К. Белых написал работу о монгольских заимствованиях в удмуртском языке [Belykh 2007]. Хотя монгольский язык и не относится к тюркским, заимствования из него должны были проникнуть в удмуртский в едином потоке с тюркизмами.

Следовательно, хотя тюркский (шире – алтайский) пласт лексики в удмуртском языке в целом неплохо изучен, проблема остается открытой. Цель настоящей работы – исследование лексических единиц (потенциальных тюркизмов), происхождение которых пока дискуссионно или до сих пор не рассматривалось. Итак, мы выносим на суд несколько групп слов: *летень* ~ *плетень* ‘рогоз широколистный’; также – как ни покажется странным, поскольку оба компонента состоят из исконных слов – лексему *гогымумы* (*гогы-мумы*) ‘повивальная бабка’; кроме того, предметом исследования явилось слово *кенос* ‘клеть; амбар’.

1. *Летень* ~ *плетень* ‘рогоз широколистный’. Названиям *рогоза широколистного* посвящена одна из карт Диалектологического атласа удмуртского языка [ДАУЯ 2014, 43]. В комментарии к карте кратко рассматривается происхождение некоторых названий. В их числе фигурирует и слово *л'эт'эн'*, распространенное в нижне- и среднечепецком диалектах северного наречия, а также в бесермянском. В отношении указанного слова сказано, что «Из листьев рогозов плетут корзинки, циновки, коврики. Название *л'эт'эн'* предположительно происходит от русского *плетень*, ср. русск. *плетёнка* ‘плетёная корзина, сумка’» [ДАУЯ 2014, 144]. Похожие формы, такие как *л'эгэн'* и другие, – считаются фонетическими вариантами указанного слова.

Приведенное объяснение нас не удовлетворяет по той причине, что возведение большинства вариантов рассматриваемого слова к указанному этимону встречает фонетические препятствия. В частности, отнесение формы *л'эт'эн'* к русским заимствованиям весьма затруднительно: рус. *плетёнка* в удмуртских диалектах (в том числе в северной диалектной зоне) имело бы облик *пл'этонка*, а рус. *плетень* > удм. *пл'эт'эн'* – без выпадения анлаутного *n*, ср.: удм. сев. *пл'ита*, *пл'эта* < рус. *плита*, удм. сев. *плака* ‘заплата’ < рус. *плаха*, удм. сев. *плаш* ‘плащ’ < рус. *плащ*, удм. сев. *плашэн* ‘пластом; плашмя’ < рус. *плашмя*.

Близкое к исследуемым фитонимам слово *йэлгин* ‘камыш, тростник’ есть в словаре тюркских заимствований в удмуртском языке И. В. Тараканова, по поводу чего автор, ссылаясь на Б. Мункачи, отмечает: «Соответствия нет в тат., баш., чув. языках (Munkácsi 1896, 265; 1884, 361)» [Тараканов 1993, 67]. Марийский исследователь В. И. Вершинин удмуртское слово *екень* ‘рогоз’ возводит к татарскому языку, хотя ни исходной формы, ни источника он не указывает [Вершинин 2015, 62].

В данном вопросе, мы полагаем, следует согласиться с мнением В. И. Вершинина. Для сравнения приведем соответствия из татарского и башкирского языков: *йегэн* тат. диал., *жикэн* тат. диал., баш. диал., *йкэн* баш. ‘рогоз, камыш’. Параллельно

ли имеются во многих тюркских и монгольском языках; из тюркских заимствован в угорские языки (венг. *gyékény*) [ЭСТЯ 1989, 172–173]. Аналог зафиксирован и в Древнетюркском словаре – *jekän* ‘разновидность камыша’ [ДТС 1969, 253].

Исследуемые названия *рогоза*, представленные в ДАУЯ, с учетом фонетических особенностей и территориального распространения можно разделить на три группы. Первая довольно компактно встречается в бассейне Чепцы, охватывая среднечепецкий диалект, бесермянское наречие и косинский говор нижнечепецкого диалекта, в которых функционирует название *л'эт'эн'*, проникшее в бассейн Чепцы, на наш взгляд, вместе с предками бесермян; позднее от бесермян – в диалекты северного наречия.

Фонетический облик приведенной формы – типично бесермянский, на что указывают несколько звуковых особенностей слова.

1) Палатальный *л'* вместо *й* в аналауте – результат фонетического процесса $\dot{y}V^*k/z(-) > l'Vk/z(-)$ (переход начального *й* в палатальный *л'*, если за последующим гласным звуком стоит смычной *к* или *з*). Данный процесс наиболее интенсивно протекал в бесермянском и южном наречиях; в северном наречии и срединных говорах – в меньшей степени, ср.: сев. сред. *йугыт* // юж. *л'угыт* ~ *л'угьт*, бес. *л'угот* (Яб. 145) ‘светлый; светло; свет’; сев. сред. *йаг* // отд. юж. бес. *л'аг* (Яб. 146) ‘сосновый бор’; сев. сред. юж. *йэгутйос* // бес. *л'егит'т'ос* (Яб. 145) ‘молодежь’ [о лекании см.: Кельмаков 2006, 94–95].

Об употреблении *л'* на месте *й* в бесермянском диалекте удмуртского языка отмечала еще Т. И. Тепляшина в монографии «Язык бесермян» [1970, 145–146], откуда заимствованы бесермянские примеры у предыдущего автора. Описываемое явление автор настоящей работы наблюдал в бесермянских населенных пунктах в конце прошлого века и в начале текущего. Примеры на корреспонденцию *л' // й* можно найти в недавно выпущенном Словаре бесермянского диалекта удмуртского языка [СлБес. 2013]: *легить* // *л'егит'* ‘молодой’ (с. 253) в. *егит*; *люгот* // *л'угот* ‘светлый’ (с. 263) в. *югыт*; *ляг гиби* // *л'аг гйби* ‘волнушка’ (‘бор + гриб’. – С. М.) (с. 267) в. *яг губи*.

2) Палатализация велярных смычных *д, т, н* ($> д', т', н'$) после переднерядного гласного *и* характерна для южного и бесермянского наречий [Кельмаков 2006, 107–108]. В бесермянском наречии указанный процесс протекал намного интенсивнее, в результате чего палатализации подверглись дентальные, расположенные не только после *и, э*, но и те, что стоят перед ними, ср.: *д'ісанə* ‘одевать, одеть’ (кукм. *дис'ань*), *т'ej* ‘вошь’ (кукм. *тэй*), *тукет'* ‘другой, иной’ (кукм. *мукэт*) [Там же, 108; Тепляшина 1971, 201–202]. В исследуемом слове произошло смягчение ауслатного *н* ($> н'$).

3) Палатализация велярных *к, з* ($> к'/м', з'/д'$) перед переднерядными гласными или в их окружении в северном наречии sporadически происходит обычно в русских заимствованиях, в то же время в бесермянском наречии процесс $k > m'$ и $t' > k$ известен и в другой категории слов. Т. И. Тепляшина об этом пишет следующее: «Несвойственное для удмуртского литературного языка чередование *t, t'* с *к* характерно для языка бесермян, например: *kijanə* в. лит. *тійяны* ‘ломать,

* V – символ гласного звука.

изломать, разрушить', <...> *kiəs'kəz* в м. *кысытыз* 'из его рук', <...> *ketrad'* в м. *тетрадь* 'тетрадь', *kəjaʃʳ* в м. *театр* 'театр'.

Наблюдается и обратное явление: вместо литературного *к* встречается *t'*, например: *č'il'et't'anə* в м. *чилекъяны* 'сверкать (о молнии)', *t'ekənə* в м. *кеканы* 'удавиться, удушиться, сильно жать, сжимать' <...> *petok kəzɡə* в м. *атас тызгы* 'гребешок (петуха)' и т. д.» [Тепляшина 1970, 146–147].

В работе Т. И. Тепляшиной приводятся и другие примеры описываемых фонетических явлений, из их числа упомянем следующие: *t'əbit'* 'кузница' (с. 44, 80–81), ср. удм. лит. *кебит*; *түнной* (*t'ɯn'ɯj*) 'три ночи (обряд, совершаемый на третью ночь после смерти умершего)' (с. 58) < *kün'jūj*, удм. лит. *куинь уй*; *t'ed'ə*, *t'ejdə* (юнд.), *ked'ə* (лекм.) 'белый' (с. 57, 77), ср. удм. лит. *тöды*.

Формы *t'ed'ə* ~ *ked'ə* 'белый', а также *t'ebit'* 'кузница' нам удалось зафиксировать еще в начале текущего века в бесермянских населенных пунктах Юкаменского и Балезинского р-нов. Интересно отметить, что аналогичные формы (*t'эд'ы* ~ *кэд'ы* 'белый', *t'эбит'* 'кузница') записаны нами также в слободском говоре нижнечепецкого диалекта северного наречия удмуртского языка (Слободской р-н, Кировск. обл.).

Т. И. Тепляшина отмечала, что в бесермянской речи смягчение согласных под влиянием соседних *i*, *e* носит почти универсальный характер [Тепляшина 1970, 165].

Таким образом, исследуемый фитоним *л'эт'эн'*, распространенный в северной диалектной зоне удмуртского языка, первоначально мог быть усвоен бесермянами из татарских диалектов в форме **йэкэн*. Данная форма на почве языка бесермян приобрела фонетический облик *л'эт'эн'* и в указанной модификации проникла в косинский говор нижнечепецкого диалекта, а также в среднечепецкий диалект северного наречия. По нашим наблюдениям, формирование нижне- и среднечепецкого диалектов северного наречия происходило при определенном воздействии языка бесермян. Данная проблема исследована слабо, тем не менее она отражена в некоторых публикациях, в частности исследователя северного наречия удмуртского языка Л. Л. Карповой [Карпова 1998; 2016, 24].

Вариант *пл'эт'эн'*, зафиксированный от единственного информанта из д. Гулёково Глазовского р-на, – явление весьма позднее, образовавшееся в результате народной этимологии, ассоциативной связи названия *рогоза* с русским словом *плеть* (изгородь, сплетенная из прутьев и ветвей). Схематически процесс трансформации слова можно представить в следующем виде:

тат. **йекэн* (~ ? **йекен*) > **йэкэн* > *л'эт'эн'* > *пл'эт'эн'*.

Вторая группа названий встречается в среднезападных говорах, в бассейне Кильмези, где функционирует форма *л'эгэн'*, а также композита *л'эгэн'быгы*, второй компонент которой означает 'пушок, пух (на огузке у птиц, пух растений, напр. осота); женское украшение в виде кисточки, птичьего пуха, а также из хвоста зайца'. Указанная композита образовалась путем контаминации с названием рогоза *быгытурын* ('пух + травянистое растение'). Последнее слово зафиксировано недалеко от ареала лексемы *л'эгэн'быгы*. Формирование двух исследуемых фитонимов схематически изобразим следующим образом:

– тат. **йегэн* > **йэгэн* > *л'эгэн'*;

– *л'эгэн'* + *быгы-турын* 'пух + трава' > *л'эгэн'-быгы-турын* > *л'эгэн'быгы*.

Наименования *йӱгонойыр* и *д'ыгонод'ыр*, зафиксированные в Кильмезском р-не Кировской обл., являются поздними образованиями как результат скрещения привнесенного иноязычного фитонима из-за Вятки и местного названия растения. В данных словах начальный согласный *й* уже не подвергся переходу в *л'*, в то же время фонетический облик второго слова говорит о начавшемся процессе деканья (*й*- > *д'*-) в завятских говорах периферийно-южного диалекта. Развитие описанных названий *рогоза* изобразим следующим образом:

– **йӱгэн* + *с'ӱд-йыр* ‘чёрный + голова’ > *йӱгэн-йыр* > *йӱгон-йыр* > *йӱ-гон-йыр* ‘лёд + пух; волосы + голова’ > *йӱ-гоно-йыр* ‘лёд + с пухом; с волосами, волосатый + голова’ > *йӱгонойыр*;

– *йӱ-гоно-йыр* > *д'ӱ-гоно-д'ыр* > *д'ыгонод'ыр*.

Третья группа фитонимов представлена южной диалектной зоной удмуртского языка, где рефлексy предпологаемой формы **йӱкэн* (< тат. **йекэн*) встречаются в целом лишь отдельными вкраплениями. Наиболее близки к этой форме варианты – *йӱкэн* (д. Варзи-Пельга, Агрызский р-н, Республика Татарстан), *йӱкын* (с. Бол. Жужгес, Увинский р-н). Последний записан наряду с наименованиями *йӱкынйыр* и *с'ӱдйыр* букв. ‘черная голова’. Вариант *экэйыр*, зафиксированный в д. Стар. Бодья Кизнерского р-на, прошел следующий путь развития: **йӱкэн* > *йӱкэн-йыр* > *экэ-йыр* букв. ‘мальчик + голова (голова мальчика)’. Аналогичным образом возникло название *л'эким-йыр* (с. Бол. Сибы, Можгинский р-н), окончательный звуковой облик которого оформился по ассоциации с личным именем Леким < рус. Ефим [об этом антропониме см.: Атаманов 1990, 177].

Наименование *йӱтин-быгы* букв. ‘лён + пух’ (с. Кыйлуд, юг Увинского р-на), по-видимому, возникло через стадию **йӱкэн* + *быгы(турын)* ‘пух (+ трава)’. Мы полагаем, что слово *гэтин-д'ыр* букв. ‘лён + голова’ (< **йӱкэн* + *шашы-д'ыр* ‘осока + голова’), зафиксированное в д. Гожан (Куединский р-н, Пермский край), занесено переселенческой волной из бассейна Кильмези. Говор указанной деревни, хотя и относится к периферийно-южному диалекту, в нем до сих пор сохранились черты, сближающие его со срединными говорами и даже с северным наречием [см. об этом: Максимов и др. 2002].

Кроме описанных выше слов, приведем данные удмуртско-русского словаря последнего издания: *екень*, *екеньйыр* ‘рогоз широколистный’, *еконшаш*, *еконшашйыр*, *екран* ‘осока’, ‘рогоз (початок)’ [УРС 2008, 200]. Хотя семантика указанных слов несколько варьируется, полагаем, что в действительности они обозначают *рогоз* или изначально имели такое значение. В любом случае, первая часть данных слов восходит к слову **йӱкэн* ‘рогоз’, а другие компоненты являются гетерогенными образованиями:

– **йӱкэн* > *екень* ‘рогоз’;

– *екень-йыр* ‘рогоз + голова’;

– *екон-шаш* ‘рогоз + осока’;

– *екон-шаш-йыр* ‘рогоз + осока + голова’;

– *екран* < **йӱкэн* + тат. *күрэн* ‘осока’.

Аналогичное последнему слову имеет происхождение и форма *йӱкрэн'*, включенная в один из вопросников ДАУЯ [Вопросник 2000, 12], но составителями ДАУЯ в народных говорах не зафиксирована.

Как уже было сказано выше, материалы по названиям *рогоза широколистного* в удмуртском языке были собраны в полевых условиях во всех территориальных диалектах; впоследствии лингвистическая карта «Рогоз широколистный» отразилась в одном из выпусков ДАУЯ, что позволило проследить не только варианты и пути фонетической адаптации заимствованного слова в удмуртском языке, но привело к весьма интересным наблюдениям в вопросе о способах и путях распространения тюркизмов (татаризмов) в территориальных диалектах.

В удмуртском языкознании существует мнение, «что татарские слова в своем поступательном движении с юга на север дошли только до истоков рек левобережной стороны Чепцы» [Насибуллин 2014, 87]. Но обратимся к ареалу названия *рогоза*, восходящего к **йэкэн*. Его модификации зафиксированы во всех крупных структурно-территориальных диалектных единицах: трех наречиях, включая северное, и в срединных говорах. При этом обратим внимание на следующие моменты: практически все исследуемые названия тяготеют к западному ареалу удмуртского языкового пространства и не употребляются в его восточном ареале, например в восточной половине Удмуртской Республики; ареал формы *л'эт'эн'* занимает довольно большую часть северного наречия, однако аналогичные формы практически полностью отсутствуют в периферийно-южном диалекте. Кроме того, в названиях, распространенных в южной диалектной зоне, таких как *йөкэн*, *йэкин*, *йэкин-йыр* и др., – анлаутный *й* не претерпел процесса перехода в *л'*. Приведенные доводы говорят о том, что указанные формы в южную диалектную зону проникли довольно поздно; при этом не исключено, что в более позднее время, чем в северную диалектную зону. Все названия проникали не поступательно с юга и юго-востока, а с юго-запада, при этом в каждый диалектный ареал своим путем, благодаря миграционным потокам. В частности, на территорию северной Удмуртии исследуемый фитоним мог попасть через реку Вятку или ее притоки (по территории современной Кировской обл.), далее – на восток по р. Чепце.

2. Гогымумы ‘повивальная бабка’. Наименование *гогымумы* букв. ‘пупок + мать, мама’ функционирует в слободском говоре северного наречия. Во многих удмуртских диалектах в структуре названия, выражающего исследуемое понятие, выступает компонент с семантикой ‘бабушка, старушка’ – *пэрэс'* (исконное слово), *бапка*, *бабушка* < рус., *аби*, *әби* < тат. [ДАУЯ 2015, 31, 74; КЭСК 1999, 229; Тараканов 1993, 26], иначе говоря, аналогично русскому и в целом татарскому языкам. В этом отношении особняком стоит только слободский говор.

Для выяснения причины появления «повивальной матери» вместо повивальной бабки, обратимся к словарю финского ученого Ю. Вихманна, который зафиксировал бесермянские слова *gugama* ‘Hebamme; повивальная бабка’, *gugama-abi* ‘тж’, *gugamàñi* ‘Geburtshilfe leisten; оказывать помощь при родах’ [Wichmann 1987, 59, 62]. Слово *gugama* мы возводим к чувашскому *кукама(й)* ‘бабушка по матери; обращение к старухе’, где интервокальное полувзвонкое *к* закономерно передалось через звонкий согласный *г*, под влиянием которого озвончился и начальный согласный *к*. Из исторических документов известно, что на нижней Чепце в XVI–XVII вв. проживала «чуваша арская» («ара чувашская») [см.: Максимов 2009, 108–109], которая могла представлять из себя чувашское население (по крайней мере, отчасти). Наши исследования языка северных

удмуртов и бесермян показывают, что это были в первую очередь чуваша-вирьялы с *окающим* диалектом, хотя нельзя исключать и группу чувашей с *укающей* речью. Чувашское слово *кукама(й) / кокама(й)* на удмуртской почве трансформировалось в *гогымумы*. Процесс происходил следующим образом: чув. *кукама(й)* ‘бабушка (по матери); обращение к старухе’ > удм. бес. *гугама* ‘бабка (повивальная)’ > удм. сл. *гогымумы* ‘тж’ (букв. ‘пупок + мать’). Последняя фонетическая трансформация произошла под влиянием народной этимологии, благодаря созвучию слова с непонятной внутренней формой – сочетанию двух понятных слов для носителей говора.

Мы не видим непреодолимых препятствий в семантической адаптации: чув. *кукамай* ‘бабушка (по матери)’ является также обращением к старухе, иначе говоря, ассоциируется с понятием «пожилая женщина, бабушка», не связанным с термином родства. Кроме того, в чувашском это слово обозначает божью коровку, что имеет явный аналог с русским словом *бабка-коровка*. Приведем данные из словаря Ашмарина [Ашмарин 1994, 259]: *кукамай* 1, *кокамай* ‘моя (наша) бабушка по матери, мать моей (нашей) матери’. Обращение к старухе; *кукамай* 2 ‘божья коровка’. Следовательно, в описываемом слове линия родства нерелевантна: важнее сема ‘бабушка; пожилая женщина’, аналогичная русским словам *бабка, бабушка*, обозначающая пожилую женщину, принимающую роды.

Типологическая параллель номинации повивальной бабки «пупок + мать» из соседних с удмуртским языков имеется в частности в башкирском: ср. баш. *кендек инәһе* ‘повивальная бабка, повитуха’ (букв. ‘пупок + мать’. – С. М.) [Хисамитдинова 2010, 167]. Но слободской говор распространен в северо-западном ареале удмуртской языковой области, вблизи г. Кирова, испытывая сильное русское влияние, как и многие севернoudмуртские говоры, в большинстве которых для обозначения повивальной бабки преимущественно употребляется слово *бабка*. Башкирский язык, а также татарский, если и в последнем имеются аналогичные конструкции, в данном случае повлиять не могли. Даже в удмуртских говорах Закамья (Республика Башкортостан и Пермский край), сильно подверженных татарскому влиянию, мы имеем термины *киндыкәй, киндәкәй* < тат. *кендекәй* ‘повитуха’ (< примерное значение ‘тот, кто занимается отрезанием пуповины’), *аби, әби* < тат. *әби* ‘бабушка’, также *гогыйас’, гогы вандис’* букв. ‘тот кто занимается отрезанием пуповины’. Однако терминов с внутренней формой «пупок + мать» не зафиксировано [ДАУЯ 2015, 33, 77–78].

В некоторых населенных пунктах востока и юга Удмуртии ранее были записаны названия *гогымумы*, но при уточнении оказалось, что во всех этих деревнях, как и в соседних населенных пунктах, употребляется слово *гогыйас’*.

3. Кенос ‘клеть; амбар’ имеет следующее энциклопедическое толкование: *кенос* – «(от удм. *кен* – сноха и суффикса *-ос*), амбар, летнее жилище и хранилище имущества удмуртов, выразительная надворная постройка. Известен с VI в. н. э. Обычно двухэтаж. с двухскатной дощатой крышей, без окон, неотапливаемый. <...>» [Шкляев 2000].

Для лучшего ознакомления с исследуемым объектом приведем фрагмент одного из этнографических описаний: «Конструкция кеноса имела удлиненную форму, тесовую двухскатную крышу, галерею с фасадной стороны, которая настилалась на выпуски бревен боковых стен и поддерживалась резными колон-

нами-столбами. На галерею вела внешняя лестница, поднимались по которой на второй этаж. Первый этаж служил кладовой-амбаром, второй – спальней. Небольшое волоковое окно устраивалось для освещения второго этажа кеноса. <...> Состоит слово “кенос” из двух частей: “кен” – сноха, “ос” – дверь, т. е. невесткина дверь» [Кенос 2016].

Из описания *кеносов* закамских удмуртов можно узнать, что у данной локальной группы было два типа кеносов, но двухэтажные кеносы не встречались [Садиков 2001, 71–73]

В исследованиях по архитектуре удмуртов можно встретить указания на то, что *кенос* – это одна из самых древних архитектурных построек, обнаруживающих схожесть с аналогичными постройками скандинавских народов, «что говорит о тесных связях предков удмуртов с ними еще в глубокой древности» [Удмурты... 1993, 112–113]. Будучи в достаточной степени осведомленными в финской культуре и воочию видевшими финское двухэтажное *aitta* (и его современное стилизованное воплощение в архитектуре жилых домов в городской среде Финляндии), можем говорить о действительно большом сходстве с удмуртским кеносом. Однако против общности происхождения в первую очередь выступают названия архитектурных сооружений. На прапермскую и, возможно, финно-угорскую древность претендует известная в основном у срединных удмуртов постройка *чум* ‘клеть; амбар’, соответствиями которого являются к. *чом*, диал. *чѳм* ‘шалаш, шалаш оленеводов’, ‘конура’, ‘домик для детских игр’ [КЭСК 1999, 309; UEW 1988, 38]; рус. *чум* ‘переносная палатка на жердях’, ‘вотяцкое жилье’, *чом* ‘олений обоз’ заимствованы из коми языка [Фасмер 1973, 372, 381] (отметим, что в некоторые русские говоры это слово могло проникнуть из удмуртского, на что указывает и вокализм, и семантика). Сомнительны также столь тесные связи между удмуртами и скандинавскими народами, которые бы привели к заимствованию типов архитектурных построек.

Особо подчеркнем, что у бесермян имелись постройки, названия которых включали компонент *кэнос* / *кэнэс*. В соответствии с исследованиями Е. В. Поповой, они функционировали и отчасти продолжают функционировать как семейно-родовые святилища; культовые сооружения и почитаемые места носили следующие названия: *вэйкис'кан* / *вэйкис'кан'н'и* ‘место, куда льют масло’, *вэй кис'кан кэнос* ‘амбар, куда льют масло’, *вэй кис'кан кўа* / *кўала* ‘куа / куала для литья масла’, *пичи кэнос* ‘маленький амбар’, *кўала корка* / *кўала кэнэс* ‘дом в виде куалы / ‘амбар в виде куалы’ [Попова 2004, 115; 2011, 79]. Исследователь отмечает, что названиями *кўала* / *кўа* и *кэнэс* «бесермяне обозначали небольшие хозяйственные сооружения, в том числе амбары и погреба, имеющие простую конструкцию: невысокий сруб, земляной пол, кровлю без потолочного настила. *Кўала*, подобная культовому сооружению удмуртов, известна бесермянам лишь в качестве летней кухни <...>» [Попова 2004, 116].

Рассмотрим происхождение названия сооружения. В соответствии с одной из версий, *кенос* возник из слова *кен* ‘сноха’ и суффикса *-ос*. Однако указанный суффикс в основном образует существительные, присоединяясь к глагольным основам; количество отыменных существительных, у которых достоверно можно выделить данный суффикс, достигает всего трех-пяти [ОбрСЛУдм.1992, 134–136].

Если допустить, что слово *кенос* является результатом словосложения – *кен* ‘сноха, невестка’ + *ос* ‘дверь’, то, во-первых, следовало бы ожидать фиксации в каком-либо из диалектов формы **кэнос*. Во-вторых, хотя номинация по типу «часть» > «целое» (дверь > сооружение) не является уникальным явлением, но для этого часть (дверь) должна иметь какие-то особые признаки, или с этим предметом должен быть связан какой-то культ / обряд. Описания обрядов, в которых бы просматривалась какая-либо связь невестки с дверями кеноса, насколько нам известно, не встречаются; обряды, связанные с самим кеносом, должны были возникнуть гораздо позднее.

Марийский лингвист В. И. Вершинин предусматривает возможную связь основы *кен-* слова *кенос* с удмуртским *кeнep* ‘изгородь; загон’ [Вершинин 2015, 86], но аргументов в пользу такого предположения не приводит. Данная гипотеза нам представляется проблематичной с семантической точки зрения. Лексема *кeнep* ‘изгородь; загон’, возможно, соотносится с коми словом *кѳнѳму* диал. ‘земля для посева огородных культур’ (*му* ‘земля’), который сопоставим с удм. *кeньыр* ‘крупя’ [КЭСК 1999, 141].

Не исключено, что исследуемое сооружение и его название предками удмуртов были заимствованы у хазар – или напрямую у какой-либо их группы, обитавшей на Волге недалеко от устья Камы, или через болгарские племена. Согласно Энциклопедическому словарю, хазарский язык относится предположительно к тюркским языкам, обнаруживая близость с чувашским и болгарским (древнеболгарским) языками. Хазары – древний тюркский народ. Ядро хазар появилось из Центральной Азии, вероятно, в эпоху Первого Тюркского каганата (2-я пол. 6 в.). Они входили в состав Западного Тюркского каганата, после падения которого, в ходе экспансии 660–680-х гг., образовали Хазарский каганат. Растворившись в других народах после его разгрома, последний раз хазары упоминаются под 1083 годом [ЭнциклСл. 2011, 1351].

Слово, похожее на удм. *кенос*, обнаруживается в языке караимов – тюркоязычного народа, исповедующего караизм, близкий иудаизму. Существуют разные теории происхождения этого народа.

Согласно хазарской (тюркской) теории, караимы – потомки хазар, тюркского кочевого народа VII–X вв, который принял иудаизм и среди районов расселения которого был Крым [Караимы 2016]. Для аргументации данной теории приводятся следующие положения: по мнению ряда антропологов 30-х гг. XX века, существует сходство между чувашами и караимами и, таким образом, с хазарами; по мнению тюрколога Н. А. Баскакова, «караимы входили в болгаро-хазарский, узо-печенежский и только позже – в кипчакско-половецкий племенной союз с господствующим кипчакским языком».

Караимы называют молитвенный дом термином *кенаса* (*кенеса*, *кенасса*) или *бет гакнесет*, (ивр., букв. ‘дом собрания’ (первоначальное древнееврейское название синагоги, употребляемое также раввинистами) [Кенасса 2016]. Термин *кенасса* происходит от древнееврейского глагола *канос* (כנס). Этим же словом (*кенесá*) персидские евреи называют синагогу.

Приведем описание караимской *кенассы* Крыма. Состояла она из следующих частей: азара – преддверие или коридор, где собирались старики перед

молитвой, сидели на скамейках и в перегородках снимали свою обувь, т. к. в ней нельзя было заходить в храм; в самой *кенасса* под низким потолком находились деревянные скамейки, на которых сидели старики во время молитвы и прихожане, находившиеся в трауре. Центральная – самая большая часть храма – предназначалась для мужчин более молодого возраста и мальчиков, где они молились: стояли на коленях. На втором этаже, на северной стороне, на балконе за деревянной решеткой, молились женщины. Поднимались туда по лестнице, идущей с бокового хода [О судьбах кенас 2016].

Из описания можно заметить, что основные архитектурные элементы во многом напоминают конструкцию удмуртского *кеноса*, особенно северноудмуртский его вариант.

Отметим, что у завятских (шошминских и кукморских) удмуртов, проживающих в Республике Татарстан, исследуемая лексема функционирует в фонетическом варианте *кэнас*, обнаруживающем еще большую близость с приведенными караимскими словами. Подтверждением может быть информация от В. П. Никитина, 1956 г. р., жителя д. Карек-Серма Балтасинского р-на РТ:

Кенас одйген но, улыно-вылыноез но вань вал. Табере огенэз гинэ кёня ке кылемын на. Вылйяз – кёлан но дйсь тырон, улйяз – ю тысь но мукет арбериос. 'Кенас и с одним [этажом] и двухэтажный бывал. Теперь одноэтажных только несколько осталось [в деревне]. На втором этаже (= наверху) – место для ночевки и хранения одежды, на первом (= внизу) – зерно и прочие вещи'.

Форму *кенас*, наряду с *кенес*, приводит Т. И. Тепляшина в обзоре источников, представляющих материалы по языку бесермян: *кинез* 'амбар' (Н. П. Штейнфельд 1894, 250–253) (с. 41), *кенас* 'клеть' (П. М. Сорокин, 1895) (с. 54), *кенес* 'амбар' (В. М. Вахрушев, 1959) (с. 47) [Тепляшина 1970].

В отношении фонетики мы не видим препятствий. Конечный гласный *a* слова *кенас(с)а* отпал на почве удмуртского языка, поскольку для существительных удмуртского языка больше характерна двуслоговая структура, унаследованная от финно-угорского праязыка. По данным ОбрСлУдм. [1992, 243], двусложные слова составляют более 30 % всей лексики, при этом доля двусложных существительных ориентировочно может быть как минимум в 1,5 раза больше. Гласный *a* второго слога закономерно перешел в *o* при общем процессе звукоперехода $a^* > o$ в непервом слоге, который, по мнению В. К. Кельмакова [1993, 24–25], имел место в XVI – нач. XVII вв. В завятских говорах, а также отчасти в бесермянском наречии этот гласный в слове *кенас* остался в архаичной форме (что, видимо, следует рассматривать как отголосок тюркского суперстрата). Вариант *кенес* (*кэнэс*), бытующий в бесермянском наречии, возможно, восходит непосредственно к тюркской форме *кенеса*, но для такого утверждения необходимы дополнительные аргументы. На данном этапе логичнее рассматривать возникновение гласного *э* второго слога как результат ассимиляции гласным первого слога.

Вместе с тем словоформы *кэнсьн* 'в клети', *кэнсь* 'в клеть', *кэнсьс'* 'из клети' и т. д., употребительные, в частности, в среднечепецком диалекте, при номинативе *кэнос*, скорее всего, являются рефлексами слова *кэнэс*, поскольку звук *o* редко подвергается выпадению. Синкопа интервокального *э* при отсутствии стечения согласных – явление обычное, ср. сч.: *пъдэс* 'дно', но – *пъдсьн* 'на дне', *пъдсь*

‘на дно’, *пъдсьс’* ‘со дна’; *йад’эс* ‘место напротив или над чем-л.’, но – *йад’сън* ‘напротив; над (где?)’, *йад’съ* ‘напротив; над (куда?)’, *йад’със’* ‘напротив; над (откуда?)’. Вариант *кэнэс* проник в среднечепецкий диалект, по-видимому, через язык бесермян, предки которых могли заимствовать форму **кэнэса* (возможно, наряду с **кэнаса*), восходящую непосредственно к тюркскому этимону *кенса*.

Различия значений между удмуртским *кенос* / *кенас* и тюркским *кенас(с)а* не представляются нам непреодолимыми. Аналогом семантических изменений может послужить русское слово *сарай*, заимствованное из тюркских языков, в которых оно употребляется со значениями ‘дом’, ‘дворец’, ‘каравансарай’, ‘комната для жилья’, ‘стойло’, ‘тележный сарай’. В тюркских языках оно восходит к персидскому слову со значением ‘дворец’ [Фасмер 1971, 560]. Другим примером перехода семантики строения может быть удмуртский язык, в котором слово *куала* ‘святилище, культовая постройка’ в бесермянском наречии имеет значение ‘летняя кухня’. Семантика данного слова, на наш взгляд, показательна как пример изменения функции постройки, первоначально имевшей сакральное (культовое) назначение.

Наибольшую трудность в нашей гипотезе представляет собой выявление историко-культурных условий, при которых могло произойти заимствование. Безусловно, удмурты, как и, видимо, их предки, с караимами контактов не имели. Однако существует вероятность контактов предков удмуртов с хазарами или племенами, находившимися в их подчинении: например с болгарскими (булгарскими) племенами. Как известно, после разгрома государства хазар, его население смешалось преимущественно с другими тюркскими племенами. Нельзя исключать, что какая-то их часть в поисках убежища проникла в лесную зону Волго-Камского региона, населенную финно-угорскими племенами.

Как уже сказано выше, в среде хазар культовым сооружением *кенас(с)а* пользовались в основном представители высших слоев общества, принявших иудаизм. Но указанный тип строения мог быть перенят и обычным населением в утилитарно-бытовых целях, например, при переходе от кочевого образа жизни к полукочевому.

Таким образом, можно сделать следующее предположение: *кенос* – архитектурная постройка с названиями *кенос* / *кенас* / *кэнэс* могла стать известной удмуртам от тюркоязычных хазар или племен, находившихся в их подчинении, к примеру, болгарских. Наиболее вероятное время заимствования – X в. как время падения Хазарского каганата, обретения Волжско-Камской Булгарией самостоятельности и принятия болгарскими верхами ислама. В этих условиях иудейская религия хазар не могла развиваться в прежнем русле, однако *кенаussy* могли продолжать функционировать как хозяйственные постройки.

4. Заключение. В работе рассмотрены лексические единицы, происхождение которых ранее не рассматривалось или является спорным. Сложность исследуемого вопроса обусловлена рядом причин, среди которых можно назвать следующие:

1) коренные фонетические или/и семантические изменения: *л’эт’эн’*, *д’ыгоно-д’ыр* ‘рогоз широколистный’, ср.: тат. диал. *йегэн*, *жикэн*, баш. диал. *йкэн* ‘рогоз, камыш’; *гогымумы* ‘повивальная бабка’ (букв. ‘пупок + мама’) < удм. бес. *гугама* ‘повивальная бабка’ < чув. *кукама(й)* ‘бабушка по матери’; обращение к старухе;

2) отсутствие соответствий в тюркских языках Волго-Камья или выявление таковых требует больших усилий;

3) необходимость учета историко-культурных предпосылок заимствования реалии.

Во многих случаях причины накладываются одна на другую, в результате чего идентификация рассматриваемых слов как тюркизмов или нахождение конкретного языка-источника представляются весьма проблематичными. Так, в данной работе одно из исследуемых слов (*гогымумы*) мы отнесли к чувашизмам, особо акцентируя внимание на том, что в отличие от большинства исследователей нами проводится грань между понятиями «чувашские заимствования» и «булгарские заимствования». Кроме того, в область наших исследований попала такая лексема, параллели которой в современных языках мы видим только в языке караимов – тюркоязычного населения Литвы и Польши, а ранее еще и Крыма. Полагаем, что дальнейшие исследования в данном направлении смогут подтвердить наши предположения или же опровергнуть их.

СОКРАЩЕНИЯ

баш. – башкирский язык; бес. – бесермянское наречие; венг. – венгерский язык; др.-евр. – древнееврейский язык; ивр. – иврит; к. – коми язык; караим. – караимский язык; кукм. – кукморский говор, периферийно-южный диалект; лекм. – лекминский говор бесермянского наречия; рус., русск. – русский язык; сч. – среднечепецкий диалект; тат. – татарский язык; удм. – удмуртский язык; хаз. – хазарский язык; чув. – чувашский язык; юнд. – юндинский говор бесермянского наречия; Bash. – Bashkir; Bes. – the Besermyan dialect; Bulg. – Volga Bulgarian; Chuv. – Chuvash; dial. – dialectal; Tat. – Tatar; Udm. – Udmurt

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов М. Г.* Удмурт нимбугор = Словарь личных имен удмуртов. Ижевск, 1990. 396 с.
- Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка: В 17 т. Чебоксары: Руссика. Т. 6. 1994. 336 с.
- Вершинин В. И.* Этимологии удмуртских слов. Йошкар-Ола, 2015. 254 с.
- Вопросник – *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семёнов В. Г.* Диалектологический атлас удмуртского языка: Второй вопросник. Лексикология. Ч. I. Ижевск, 2000. 27 с.
- ДАУЯ 2014 – Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. IV / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Л. В. Бусыгина. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014. 280 с.
- ДАУЯ 2015 – Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. V / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Л. В. Бусыгина, О. А. Арзамазова. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2015. 256 с.
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. Л., 1969. XXXVIII + 677 с.
- Караимы [Эл. ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/караимы> (Дата обращ.: 05.01.2018).
- Карпова Л.* Бесермяно-удмуртское взаимовлияние (на материале среднечепецкого региона) // *Linguistica Uralica*. 1998. № 2 (XXXIV). С. 121–127.
- Карпова Л. Л.* Некоторые особенности фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. Вып. 2. С. 17–36.
- Кельмаков В. К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Препринт. Ижевск, 1993. 58 с.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд., стереотипное. Ижевск, 2006. 386 с.

Кенасса [Эл. ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/кенасса> (Дата обращ.: 05.01.2018).

Кенос [Эл. ресурс]. URL: <http://informvest.ru/475-kenos.html> (Дата обращ.: 05.01.2018).

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.

Максимов С. А. Комментарий к карте «Капуста» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. I / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Ижевск, 2009. С. 105–110.

Максимов и др. – Максимов С. А., Насибуллин Р. Ш., Нурисламова А. А. Шагиртско-гондырский говор южного наречия удмуртского языка I: Фонетические особенности // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. Ижевск, 2002. С. 304–324.

Напольских В. В. Нетривиальные тюркизмы в удмуртском. I. *śam* // *Linguistica Uralica*. 1999. № 2 (XXXIX). С. 118–121.

Напольских В. В. Нетривиальные тюркизмы в удмуртском. II. *сьртчы* // *Linguistica Uralica*. 2000. № 4 (XXXVI). С. 276–281.

Напольских В. В. Нетривиальные тюркизмы в удмуртском. III. *туй*. IV. *кӧжы* // *Linguistica Uralica*. 2001. № 1 (XXXVII). С. 30–33.

Насибуллин Р. Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Спец. вып. С. 77–91.

О судьбах кенас – О судьбах караимских кенас в Крыму [Эл. ресурс]. URL: <http://turkology.tk/library/108AmigoHTML.7KOCFB7UJLEWXQ6HAX2ZJD6GZY/Shell/Open/Command>. (Дата обращ.: 05.01.2018).

ОбрСлУдм. – Обратный словарь удмуртского языка: Ок. 46 000 слов / Р. Ш. Насибуллин, В. Ю. Дудоров; под ред. Р. Ш. Насибуллина. Ижевск: Удм. ун-т, 1992. 243 с.

Попова Е. В. Календарные обряды бесермян. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. 253 с.

Попова Е. В. Культурные памятники и сакральные объекты бесермян: монография / Науч. ред. Г. А. Никитина. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2011. 320 с.

Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа: Гилем, 2001. 181 с.

СлБес. 2013 – Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка. М.: ТЕЗАУРУС, 2013. 540 с.

Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учеб. пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений / Удм. гос. ун-т. Каф. удм. яз. и лит. Ижевск, 1981. 105 с.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1970. 288 с.

Тепляшина Т. И. Влияние переднерядных гласных на качество согласных в языке бесермян // Советское финно-угроведение. 1971. № 3 (VII). С. 201–204.

Удмурты... – Удмурты: историко-этнографические очерки / Науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. 392 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2008. 925 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, Т. III. 1971. 827 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, Т. IV. 1973. 822 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.

Шкляев Г. К. Кенос // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 397. ЭнциклСл. – Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2011. 1520 с.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / АН СССР. Ин-т языкознания; Отв. ред. Л. С. Левитская. М., 1989. 292 с.

Belykh S. Words of the Middle Mongolian Origin in the Permic Languages // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции: Научно-практический журнал. 2007. № 2 (2). С. 33–39.

UEW – Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III. Budapest, 1986–1991.

Wichmann – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.

Поступила в редакцию 31.05.2018

Максимов Сергей Анатольевич,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,

Удмуртский институт истории, языка и литературы, УдмФИЦ УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

e-mail: makser02@yahoo.com

S. A. Maksimov

Turkic-Udmurt lexical metamorphosis, or some words with a «strange» internal structure in the Udmurt language

The relationship between the Udmurt language and the Turkic languages is generally well studied today. However, there are still many unresolved issues in this area. Among such problems is the identification of the origin of some Udmurt words, the source of which can be Turkic languages. The purpose of this work is to study words with disputable etymology, which are potential Turkisms. We consider the following group of words: 1. *l'et'eñ ~ pl'et'eñ* 'broadleaf cattail' is considered Russian / Turkic / Tatar borrowing; 2. the origin of the word *gogimumij* 'midwife' was not investigated, it was assumed that the etymology is transparent: literally 'belly button + mother, mom'; 3. *kenos* 'barn' is associated with the word *ken* 'daughter-in-law' or *keñer* 'fence'. The complexity of the issue under study is due to a number of reasons, among which we can name the following: 1) phonetic and / or semantic changes in the root of the word: Udm. *l'et'eñ, pl'et'eñ, d'igonod'ir* 'broadleaf cattail' < Tat. dial. *jëgän, jikän*, Bash. dial.

jikän ‘cattail, bulrush’; Udm. *gogimumj* ‘midwife’ < Udm. Beser. *gugama* ‘midwife’ < Chuv. *kukama(i)* ‘maternal grandmother’; ‘appeal to the old woman’; 2) the lack of correspondence in the Turkic languages of the Volga-Kama region or the identification of such parallels requires great effort; 3) the need to take into account the historical and cultural preconditions for borrowing realities: Udm. *kenos* ~ *kenas* ~ *kenes* ‘cage; barn’ < ? Bulg. / Khazar, compare Karaitic *kenasa* (*kenesa*, *kenassa*) ‘house of congregation’ < ancient-Jewish. In many cases, the causes are superimposed on each other, as a result of which the identification of the words in question as Turkisms or finding a specific source language seems very problematic.

Keywords: Udmurt language, Turkic languages, Karaites, language contacts, lexical borrowings, broadleaf cattail, midwife, barn, Besermyan, phonetics of the Besermyan dialect, etymology, folk etymology, Turkism, Tatarism, Chuvashism, Bulgarism, Hebraism.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 3, pp. 30–46. In Russian.

REFERENCES

Atamanov M. G. *Udmurt nimbugor = Slovar' lichnykh imen udmurtov* [Dictionary of personal names of Udmurts]. Izhevsk, 1990. 396 p. In Russian.

Ashmarin N. I. *Slovar' chuvashskogo yazyka: V 17 t.* [Dictionary of the Chuvash language: in 17 vol.]. Cheboksary, Russika Publ. Vol. 6. 1994, 336 p. In Chuvash. In Russian.

Vershinin V. I. *Etimologii udmurtskikh slov* [Etymologies of the Udmurt words]. Ioshkar-Ola, 2015. 254 p. In Russian.

Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A., Semenov V. G. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka: Vtoroi voprosnik. Leksikologiya. Ch. I* [Dialectological atlas of the Udmurt language: Second questionnaire. Lexicology. P. I]. Izhevsk, Publ. 2000. 27 p. In Udmurt. In Russian.

Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. IV [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue IV] / R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, L. V. Busygina. Izhevsk: NITs «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika» Publ., 2014. 280 p. In Russian.

Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. V [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue V] / R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, L. V. Busygina, O. A. Arzamazova. Izhevsk: NITs «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika» Publ., 2015. 256 p. In Russian.

Drevneturkskii slovar' [Old Turkic dictionary]. Leningrad, 1969. XXXVIII + 677 p. In Russian.

Karaimy [Karaites]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/karaimy> (accessed 5 January 2018). In Russian.

Karpova L. Besermyano-udmurtskoe vzaimovliyaniye (na materiale srednechepetskogo regiona) [Besermyan and Udmurt mutual influence (on the material of the Middle Chepetsa region)]. *Linguistica Uralica*, 1998, no. 2 (XXXIV), pp. 121–127. In Russian.

Karpova L. L. Nekotorye osobennosti foneticheskoi sintagmatiki v nizhnechepetskom dialekte udmurtskogo yazyka [Some features of phonetic syntagmatics in the Lower Chepetsa dialect of the Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, vol. 10, issue 2, pp. 17–36. In Russian.

Kel'makov V. K. *Formirovaniye i razvitiye fonetiki udmurtskikh dialektov: Preprint* [Formation and development of phonetics of Udmurt dialects: Preprint]. Izhevsk, 1993. 58 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Uchebnoe posobie dlya vyssikh uchebnykh zavedenii* [A short course of Udmurtian dialectology: A textbook for higher educational institutions]. 2-e izd., stereotipnoe. Izhevsk, 2006. 386 p. In Russian.

Kenassa [Kenassa (Prayer House)]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/kenassa> (accessed 5 January 2018). In Russian.

Kenos [Barn]. URL: <http://informvest.ru/475-kenos.html> (accessed 5 January 2018). In Russian.

Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo Publ., 1999. 430 p. In Russian.

Maksimov S. A. Kommentarii k karte «Kapusta» [Comment on the map «Cabbage»]. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. I* [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue I] / R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, G. V. Otstavnova. Izhevsk, 2009, pp. 105–110. In Russian.

Maksimov S. A., Nasibullin R. Sh., Nurislamova A. A. Shagirtsko-gondyrskii govor yuzhnogo narechiya udmurtskogo yazyka I: Foneticheskie osobennosti [Shagirt-Gondyr subdialect of the southern dialect of the Udmurt language I: Phonetic features]. *Permistika 9: Voprosy permskoi i finno-ugorskoj filologii: Mezhvuzovskii sb. nauch. tr.* [Permistika 9: Questions of Perm and Finno-Ugric philology: Interuniversity collection of scientific works]. Izhevsk, 2002, pp. 304–324. In Russian.

Napol'skikh V. V. Netrivial'nye tyurkizmy v udmurtskom. I. *šam* [Nontrivial Turkism in Udmurt. I. *šam*]. *Linguistica Uralica*, 1999, no. 2 (XXXIX), pp. 118–121. In Russian.

Napol'skikh V. V. Netrivial'nye tyurkizmy v udmurtskom. II. *syartchy* [Nontrivial Turkism in Udmurt. II. *syartchy*]. *Linguistica Uralica*, 2000, no. 4 (XXXVI), pp. 276–281. In Russian.

Napol'skikh V. V. Netrivial'nye tyurkizmy v udmurtskom. III. *tui*. IV. *közhy* [Nontrivial Turkism in Udmurt. III. *tui*. IV. *közhy*]. *Linguistica Uralica*, 2001, no. 1 (XXXVII), pp. 30–33. In Russian.

Nasibullin R. Sh. Bulgarizmy i ikh otnoshenie k voprosu o vremeni raspada obshcheperskoi yazykovoi obshchnosti [Bulgarisms and their relation to the question of the time of the disintegration of the general Permian linguistic community]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2014, Spec. no., pp. 77–91. In Russian.

O sud'bakh karaimskikh kenas v Krymu [On the fate of the Karaites in the Crimea]. URL: <http://turkology.tk/library/108AmigoHTML.7KOCFB7UJLEWXQ6HAX2ZJD6GZY/Shell/Open/Command> (accessed 5 January 2018). In Russian.

Obratnyi slovar' udmurtskogo yazyka: Ok. 46 000 slov [The reverse dictionary of the Udmurt language: About 46,000 words] / R. Sh. Nasibullin, V. Yu. Dudorov; Ed. R. Sh. Nasibullin. Izhevsk: Udmurt University Publ., 1992. 243 p. In Udmurt. In Russian.

Popova E. V. *Kalendarnye obryady besermyan* [Calendar ceremonies of Besermyan]. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 253 p. In Russian.

Popova E. V. *Kul'tovye pamyatniki i sakral'nye ob'ekty besermyan: monografiya* [Religious monuments and sacral objects of Besermyan: monograph] / Scientific ed. G. A. Nikitina. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 320 p. In Russian.

Sadikov R. R. *Poseleniya i zhilishcha zakamskikh udmurtov (material'nyi i dukhovnyi aspekty)* [Settlements and dwellings of Udmurts living beyond the river Kama (material and spiritual aspects)]. Ufa: Gilem Publ., 2001. 181 p. In Russian.

Slovar' besermyanskogo dialekta udmurtskogo yazyka [Dictionary of the Besermyan dialect of the Udmurt language]. Moscow: TESAUROS Publ., 2013. 540 p. In Udmurt. In Russian.

Tarakanov I. V. *Inoyazychnaya leksika v sovremennom udmurtskom yazyke: Ucheb. posobie po leksikologii udmurtskogo yazyka dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Foreign vocabulary in the modern Udmurt language: Textbook on the lexicology of Udmurt

language for students of higher educational institutions] / Udmurt State University. Department of Udm. language and literature. Izhevsk, 1981. 105 p. In Russian.

Tarakanov I. V. *Zaimstvovannaya leksika v udmurtskom yazyke: Udmurtsko-tyurkskie yazykovye kontakty* [Borrowed vocabulary in the Udmurt language: Udmurt-Turkic language contacts]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1982. 188 p. In Russian.

Tarakanov I. V. *Udmurtsko-tyurkskie yazykovye vzaimosvyazi: Teoriya i slovar'* [Udmurt-Turkic language interrelations: Theory and the dictionary]. Izhevsk: Publishing House Udm. University Publ., 1993. 170 p. In Russian.

Teptyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Language of the Besermyan / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics. Moscow: Nauka Publ., 1970. 288 p. In Russian.

Teptyashina T. I. *Vliyanie peredneryadnykh glasnykh na kachestvo soglasnykh v yazyke besermyan* [Influence of front-row vowels on the quality of consonants in the Besermyan language]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric Studies], 1971, no. 3 (VII), pp. 201–204. In Russian.

Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki [Udmurts: historical and ethnographic essays] / Scientific ed. V. V. Pimenov. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1993. 392 p. In Russian.

Udmurtsko-russkii slovar': Ok. 50 000 slov [Udmurt-Russian Dictionary: Approx. 50 000 words] / Comp. T. R. Dushenkova, A. Egorov, L. M. Ivshin, and others; Ed. L. E. Kirillova. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 925 p. In Udmurt. In Russian.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vol.]. Moscow: Progress Publ., Vol. III. 1971. 827 p. In Russian.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vol.]. Moscow: Progress Publ., Vol. IV. 1973. 822 p. In Russian.

Khisamitdinova F. G. *Mifologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological Dictionary of the Bashkir Language]. Moscow: Nauka Publ., 2010. 456 p. In Bashkir. In Russian.

Shklyayev G. K. Kenos [Barn]. *Udmurtskaya Respublika: Entsiklopediya* [Udmurt Republic: Encyclopedia]. Izhevsk, 2000, p. 397. In Russian.

Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 2011. 1520 p. In Russian.

Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «Ж», «Ж», «Й» [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic bases on the letters «Ж», «Zh», «J»]. Ed. L. S. Levitskaya. Moscow, 1989. 292 p. In Russian.

Belykh S. Words of the Middle Mongolian Origin in the Permic Languages. *Idnakar: Metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii: Nauchno-prakticheskii zhurnal* [Idnakar: Methods of historical and cultural reconstruction: Scientific and practical journal], 2007, no. 2 (2), pp. 33–39. In English.

Rédei K. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. B. I–III. Budapest, 1986–1991. In German. *Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen.* – Helsinki, 1987. – XXIII + 422 S. In Udmurt. In German. In Finnish.

Received 31.05.2018

Maksimov Sergey Anatolyevich,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: makser02@yahoo.com